

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Данной теме был посвящен очередной "круглый стол", проведенный по инициативе редакции "Одиссея" в мае 2000 г. Ниже публикуются тексты выступлений его участников и отклики специалистов по западноевропейской и российской истории, ознакомившихся с материалами "круглого стола".

А. Л. Юрганов ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Хочу сразу определить проблему, которая меня волнует, и, надеюсь, вас тоже, ибо современное развитие гуманитарной науки ставит перед нами слишком много вопросов, на которые мы не успеваем отвечать. Между тем мы неумолимо движемся к сложному в сложном, чем, собственно говоря, является "русская культура" на протяжении многих веков ее существования, если под термином "культура" понимать не сумму достижений (и тогда арифметика спасает синтез!), а смыслополагание человека, или целеполагание смысла, который имеет вечную интенцию к самоизменению себя и человека во времени и пространстве. Разумеется, я далек от мысли, что, объединив усилия, мы сможем ответить на все вопросы. Напротив, уверен, что не ответим, — более того, создадим своим "прорывом" еще больше трудностей в постижении поставленной проблемы. Задача не сводится к "ответам", задача сводится к задаче: определению некоей сферы, еще не обсуждавшейся в таком ключе; а потому важно корректно ее представить как сферу, которая имеет свои, скрытые от посторонних глаз законы существования, как мы их понимаем сегодня.

Итак, вопрос первый. В чем специфичность русской культуры, можно ли ее изучать путем выявления собственных ее категорий, существует ли "русская культура" как метафизическая целостность или мы имеем дело лишь с дискретными элементами целого?

Второй вопрос. "Русская культура" не существует изолированно от всего мира, и потому первый вопрос обнажается еще больше тогда, когда мы по укоренившейся привычке спрашиваем себя: чем является русская культура, находясь между Западом и Востоком? Замечу сразу, что этот вопрос скорее спровоцирован традицией такого сопоставления, чем реально обусловлен научной тенденцией изучения, поскольку понятия "Запад", "Восток" (или Европа-Азия) весьма условны. Иначе гово-

ря, "русская культура" всегда была воплощением какого-то синтеза разных геокультурно-политических традиций. На разных этапах этот синтез разный, и это тоже предмет для обсуждения, если мы хотим понять способ адаптации этих традиций, их "переваривание" русской культурой (ведь не механически же это соединялось?).

Позволю себе высказать несколько предварительных суждений, имеющих отношение к общей историографической ситуации в отечественной науке. Ведь именно эта ситуация спровоцировала нас к постановке именно такой проблемы, и здесь обнаруживаются, как мне видится, некоторые антиномии собственно научного развития.

Своеобразным ответом на идеологическое давление тоталитарной власти явилась у нас методология позитивизма (речь, конечно, не идет о позитивизме в мировом масштабе, а лишь о его частном проявлении и весьма специфическом в определенном временном пространстве), ставшая средством спасения от уничтожения свободной научной мысли. Она не могла не быть позитивистской в силу того, что необходимо было отвечать на тезисы от идеологии фактами от источника. Сферы разделились: теоретические постулаты стали отторгаться сами по себе как ничем не доказанные, зато особую ценность обрели факты, понимаемые как то, что было "на самом деле". Длительное противостояние привело к тому, что противоборствующие стороны стали в чем-то друг на друга похожими. Позитивизм начал относиться к себе как к сфере, в которой только и может осуществляться "подлинная" наука. То есть отторгнутой оказалась сфера обобщений, синтеза, - в ней (до сих пор) видится лишь стремление поработить научное познание. Получилось, что синтез не нужен вообще или его время не пришло.

Позитивистская методология была единственной возможностью выжить в условиях несвободы творчества. Право говорить "от источника" о том, каким было "подлинное" прошлое, внушало мысль, что самое существенное о "настоящем" можно сказать, прибегнув к прошлому. Так появилась на свет идея, что не только физическая природа человека неизменна, но и сами культурные представления о главном, самом существенном, о добре и зле, - без такого признания не было бы и самого позитивизма, которому было необходимо "поле битвы" за историческую науку.

Если иметь в виду, что такое противоборство особенно характерно для науки, изучающей "родной" феодализм, то следует вспомнить слова замечательного историка и литературоведа Якова Соломоновича Лурье, который писал о людях прошлого: «...их основной понятийный аппарат, судя по всем источникам, принципиально не отличался от нашего... Исследователь, который предполагал бы существование у людей прошлого "особого мышления", в сущности, закрыл бы для себя возможность понимания сочинений средневековых авторов: ведь сам такой исследователь живет в наше время» (Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 16-17).

Синтетическое построение историка, претендующее на научность, - всегда от источника. Не принимая в целом доктринальные идеи, историк должен им что-то противопоставить. Чтобы что-то противопоставить, надо было войти в зону "общего" языка с тем, что ты не принимаешь. Значит, идеологической доктрине противопоставит идея неаприорности источника и индуктивный метод восхождения от частного к общему. Отсюда парадоксальное обнаружение "повторов" - эпохи сближались настолько, что находились объяснения всему: человек не меняется, остается в фундаментальных своих знаниях одним и тем же. Получалось, что изучая век XX, опосредованно постигаешь век XVI. Именно поэтому основной стержень истории как процесса - это история по преимуществу политическая. Связь времени и личности историка обнаруживала себя в этом контексте особенно ярко. Однако вывод из источника информацию, не задумываясь о его культурной ориентации, историк-позитивист обрекает себя порой на "смотрение в зеркало", потому что видит в нем то, что хочет видеть, а не то, что мог бы увидеть, если бы поставил проблему иначе, - в источнике обнаруживается собственная реальность, не выводимая из себя и имманентная. Таким образом, позитивистский постулат - идти от источника - парадоксальным образом отрицал (и отрицает) саму возможность понять источник как фрагмент иной реальности.

Условием господства позитивизма было наличие прессинга. Когда же он исчезает, эта парадигма перестает удовлетворять возросшие интересы гуманитарного сообщества. Кризис общественный и кризис научный во многом совпали по времени. Позитивизм перестал быть самодостаточным в процессе познания, а "политическая история" — единственным способом понять "прошлое".

Наука ныне стала внутренне асимметричной. Возникают (чаще всего от литературоведения) постмодернистские дискурсы, со всеми вытекающими отсюда "возможностями" проводить деконструкцию текста через собственное "Я", которое теперь угрожает исторической науке не меньше, чем любая цензура. Ибо освобождение от всех условностей, в том числе и от такой "условности", как принцип историзма, это "Я" затмевает собой интересубъективность любой изучаемой эпохи, делает невозможной обнаружить в ней имманентное семантическое ядро. Мы сталкивались и сталкиваемся с неведомой ранее опасностью, которая проистекает от игнорирования источника вообще. Раз возможна его деконструкция, то "поле" взаимодействий расширяется, уничтожая тот культурно-психологический барьер, который всегда отделял и отделяет субъекта познания от объекта.

Думается, будет неверным считать, что можно прийти к новой глобальной и единой концепции, которая сплотит историков, сняв все возможные противоречия. "Отменить" позитивизм нельзя потому, что в основе всякой науки лежит позитивистский интерес к источнику, "запретить" постмодернизм нельзя потому, что невозможно не пережить эпоху, в которой исследовательское "Я" становится фактом культуры

и общественной жизни, структурализм и сам теперь переживает нелегкие времена, называя себя пост-постструктурализмом, историческая феноменология органично нуждается в позитивизме.

Проблема "общего результата" заключается в том, что каждое направление не может не осознавать ограниченность своих подходов и представлений. Позитивизм плох не сам по себе, а как методология, претендующая на объяснение всего, структурализм плох не сам по себе, а как направление современных исканий, которое претендует на глобальность и особую полноту обобщений, историческая феноменология плоха не сама по себе, а как панацея. И так далее. "Общий результат" будет тогда, когда возникнет понимание ресурсной ограниченности каждого направления. Именно в такой саморефлексии может осуществляться "принцип дополнительности", без которого трудно представить современную гуманитарную науку.

Такое введение, может быть, и лишнее, но не случайно я в самом начале сказал, что мы движемся к сложному в сложном, - мы хотим понять сложное в культуре, находясь в сложной историографической ситуации, когда обнажились противоречия самого гуманитарного познания. Смею думать, что тем не менее наше обсуждение будет плодотворным, интересным и, в любом случае, симптоматично отразит общую ситуацию, - что само по себе тоже цель данного "круглого стола".